

ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ

*Подготовлены на основании
неоконченной книги о православной культурологии
Светланы Владимировны Лурье (Смирновой)
и ее других трудов
Гаспаряном Олегом Фрунзевичем¹*

ВВЕДЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНУЮ КУЛЬТУРОЛОГИЮ

Уверен, что все тут присутствующие, каждый по-своему, знает, что такое культура. Многие даже полагают, что и думать тут нечего, все и так ведь понимают, что есть люди культурные, а есть и работники культуры (у них вот и профессиональный праздник отмечается в России 25-го марта), а есть и... Вот на этом «и», полагаю стоит остановиться и порассуждать. Не так однозначно, если подумать и завершить фразу – некультурные. Тогда нужно суметь объяснить, в чем разница между людьми культурными и некультурными. И тут начинаются сложности и неопределенности. Поэтому, прежде всего, нужно внести ясность в понимание того, что же следует понимать под культурой. Этой непростой задачей вот уже скоро полтора века занимается наука, которую обозначают как культурология.

Часть 1.

Что такое культура?

Итак, что такое культура? Обычно под ней понимают гуманитарную и художественную сферу человеческой деятельности: литературу, кино, театр, музыку, музеи и пр. в таком же духе. В ответ на это многие специалисты-культурологи возражают: любая сфера человеческой деятельности есть преломление культуры. В первом случае культура понимается как область идеального, творческого. Второй подход приземляет нас к практике, деятельности, то есть как, почему, каким образом человек делает то или иное дело, и если продолжать, то почему одни люди живут так, другие – иначе.

Наука о культуре – это наука из ряда наук о человеке, человековедении. Если практически вся современная наука своих достижений и открытий достигла на позитивистских основаниях, то есть исходя из того, что человеческому разуму доступно бесконечное познание природы вещей. И для этого ему нет нужды вдаваться в метафизические рассуждения, а любая религия, в лучшем случае, это порождение ума по причине его первичной маломощности. Но начиная с эпохи Возрождения, разумение человека безудержно развивалось, и сегодня... даже физики, преодолев и стадию романтики, пришли к выводу, что в первопричине природы всех вещей присутствует нечто сверхъестественное, наукой не познаваемое. Оставим физикам и прочим позитивистам разбираться в естественных причинах всего сущего. А мы сосредоточимся на сверхъестественном.

Будем исходить из того, что все люди живут в атмосфере человеческой культуры². Начнем же определять культуру. Итак:

---

¹ Светлана Владимировна ЛУРЬЕ (Смирнова) отошла ко Господу 25 августа 2021 г. Этот цикл для публикации подготовил ее супруг ГАСПАРЯН Олег Фрунзевич. По всем вопросам можно обращаться к нему по тел.: +7 905 280 12 45, а также по E-mail: yezelo@gmail.com

Есть сайт С.В. Лурье, к.ист.н., доктора культурологии, постоянно обновляющийся и содержащий почти все ее труды (книги, статьи, доклады, интервью и пр.) С. В. Лурье – www.svlourie.ru

² Мы живем в ее атмосфере, она пронизывает всю нашу среду и нас самих. Попытки выйти из культуры уникальны: это может быть обретением святости, когда человек с помощью Божией преодолевает свою человеческую природу, а может – падением в самые низы бесчеловечности – расчеловечиться. Своеобразным выходом за пределы культуры порой признают и сумасшествие. Мы еще будем обсуждать это.

культура – это среда, в которой человек живет и действует, это все, о чем он мечтает, чего желает, это такая призма, через которую он воспринимает мир, сам способ его действия в мире, модели взаимодействия людей, которые делают возможным их общение и взаимопонимание...

Тут нужно будет уже сказать, напомнить о том, что человек по христианскому учению создан Богом по образу и подобию Творца. В православном богословии развито учение о трехчастности человека, которое исходит из того, что в человеке присутствуют три сущности: телесная, душевная и духовная³. В православной культурологии поэтому к культуре мы отнесем и **тот ряд образов и мыслей, с помощью которого человек говорит сам с собой и с Богом, пока не достигает бессловной молитвы – мистического видения и Богообщения**⁴.

Что же тогда остается за пределами культуры?

Во-первых, **материальный мир**, как он существует объективно, независимо от нашего восприятия.

Во-вторых, **наша глубинная сущность**, которая говорит с Богом и человеками, но говорит при помощи языка культуры, и мы это покажем.

В-третьих, **духовный мир**: Бог, Силы Небесные и духи злобы поднебесной.

Обратим внимание, что тот духовный мир, «духовность», о которой любят рассуждать обычно люди (писатели и прочие гуманитарии), имея в виду, вольно или невольно, «культуру», мы как культуру не определяем и даже, бывает, противопоставляем ей. Культуру можно назвать «духовностью», но только в переносном смысле, как наличие интереса к духовному миру или тому, что за духовный мир принимается, относится к «идеальному». Напомним, что, созданный по образу Божию, человек с самого начала и неотъемлемо наделен умом и свободой воли. Потому человек способен со-творять свой мир: как общий своему человеческому роду мир культуры (цивилизации), так и свой индивидуальный, как внутренний мир отдельных творческих личностей. При этом человек носит в себе неискоренимую память о своем Творце – он может создать мир с серьезным отношением к Богу, устроенный по законам и предписаниям, согласным с представлениями о Боге. И такое возможно, если человек религиозен. Но и этого недостаточно. Духовную жизнь не заменить фарисейством, то есть только следованием законам и предписаниям, – необходимы участие, преданность, любовь, жизнь для приобщения к Богу через единение с Духом. Поэтому на какие бы ступени «внутренней» или «религиозной» жизни ни взошел человек, он еще не становится от этого подлинно духовным⁵.

Но низкопробные частушки или современная эстрада, поп-музыка тоже своего рода культура. Огромные массы людей погружены и в такие проявления культуры. Да и металлургия, подледная рыбалка, установка стеклопакетов на окнах, все-все возможные технологии – все это определенным образом относится к сфере культуры, поскольку связано с вполне конкретными культурными практиками и построенными на их основе пониманиями, истолкованиями, интерпретациями действительности, иными словами, специфическим человеческим взглядом на вещи, процессы,

---

³ Мы под духом в человеке будем иметь в виду «нус» (от *греч.* – νοῦς – мысль, разум, ум) как «дух», а «психи» (от *греч.* – ψυχή – душа, психику) – в качестве «души». Такое деление в православную антропологию попало через неоплатоновскую терминологию. Уже отсюда понятно, что мы непосредственно связываем душу с психологией, а дух противопоставляем психологии. После смерти человека мы полагаем, что в рай или ад попадает именно личное начало, идентичное человеку – это дух, ум (νοῦς): в культурологическом тексте мы будем употреблять эти слова как синонимы.

Трихотомия в христианском богословии восходит к ап. Павлу. Правда его антропология не укладывается в четкую схему. Как указывает арх. Киприан (Керн), «Апостол употребляет следующие выражения: «сердце» (52 раза), «душа» (13 раз), «дух» (146 раз), «плоть» (91 раз), «ум – νοῦς» (21 раз), «совесть» (20 раз), привнося к тому же разделению человека на «внутреннего» и «внешнего» ... Апостол предпочитает, говоря о разумном начале, пользоваться именно термином νοῦς. (Арх. Киприан Керн. Антропология Григория Паламы. – См. https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigorija-palamy/)

При двухчастном же составе человека – душе и теле – душа сама мыслилась как сложная, состоящая из частей *раздражительной* (чувственной или, в другой трактовке, ответственной за активное проявление души вовне) и *желательной* (волевой), а также *ума*. (Д.В. Новиков. Христианское учение о человеке. – См. <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/hristianskoe-uchenie-o-cheloveke/>)

⁴ О культуре греховной, бесовской мы будем тоже говорить, как бы параллельно.

⁵ Апостол Павел удачно назвал такого человека «душевным» (1 Кор., 2, 14). (Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 145-146.)

действия. И если имеет место интерпретация, то мы имеем дело с артефактом⁶. Часто рассматривают две стороны артефакта: идеальную (как бы идею вещи) и материальную (вещь, которая имеет идею)⁷. Идеальность в культуре всегда присутствует, о какой низменной, казалось, сфере ни шла бы речь, просто идеальность дурного не всегда осознается⁸.

У нас получается, что культурой является все, что не относится к духовному или материальному миру, причем материальному или духовному, как они существует независимо от нас, нашего восприятия. Едва мы что осознаем, мы тут же сопрягаем это с культурой. Вот и получается, что:

культурным является все, что исходит от человека, порождается человеческой мыслью, действием, что допускает человеческую интерпретацию, придание идеального образа в человеческом сознании, образуя тем самым и артефакты.

В образовании артефактов участвуют и физиологические процессы у человека, например, зрение⁹. Но только человек не может жить вне культуры. А сам человек, является ли он культурным феноменом, точнее, что в человеке принадлежит культуре?

Кажется, вроде как все. Не принадлежит к культуре лишь то, что в человеке относится к духовному миру. Тут для нас важно вспомнить и христианское трехчастное деление человека на тело, душу и дух¹⁰. Это важно еще и для понимания индивидуального «Я», которое трудно поддается научному, даже катафатическому определению (последнее больше присуще богословию). Писатели древности, а это были монахи, обычно пользовались подобными понятиями, ссылаясь на нечто иное, что дано им было в их мистических прозрениях, для которых узка и недостаточна даже такая трихотомия. Так, когда в святоотеческой антропологии рассуждали о двухчастном составе человека – душе и теле, – то душа сама мыслилась как сложная. В душе, к примеру, выделялась и «чистейшая» ее часть – дух, или ум. При дихотомии «человек двойной» «создан с двоею природою», а душа и тело составляют всего человека. О духе же – у ап. Павла как третьей составной части человека – говорится как о даре Духа Святого, подаваемого в крещении. А свт. Феофан Затворник полагал, что ум как высшая сторона души «совмещает чувство Божества, требования совести и ожидание лучшего», ум, дух есть дунование Бога в человеке. Напрашивается такое вот отождествление духа, ума (особенно в случае трехчастного состава человека) с личностью, которая отнюдь не совпадает с душой. Далее мы знаем, что у Христа как у воплотившегося в человеке Бога Сына была человеческая душа, как у других людей, но не было человеческой личности, поскольку Он был одним из Лиц Бога. Отсюда выводится важнейший антропологический факт: **личность не отождествляется с душой. Но личность владеет душой, всеми ее силами и проявлениями, но сама личность – не сила или проявление души, и не какая-либо совокупность этих сил и проявлений.** Леонтий Византийский показывает, что личность есть организующий принцип бытия – она *воипостазирует*, то есть вбирает в себя природу и таким образом дает личности бытие в мире человеков. Как личность Спасителя соединяет божество и человечество, так личность человека апафатически приводит в единство душу и тело человека. По святоотеческому богословию именно *личное начало* служит причиной существования индивида, соединяет вместе разобщенные качества, *делает индивид самотождественным*. «Личность всегда находится как бы *над проявлениями своей природы*, не являясь ни материалом, ни средством, ни

---

⁶ «Артефакт – интерпретация, воплощение некоей культурной формы в конкретном материальном продукте, вещи, информационном сообщении, поведенческом акте или оценочном суждении» (А.Я. Флиер. Артефакт культурный. // Прикладная культурология. М., 2019. С. 221).

⁷ О соотносительности и неразрывности материального и культурного артефакта см. у М. Коула. (М. Коул. Культурная психология. М., 1999).

⁸ Идеальное понимаем не только в положительной коннотации.

⁹ Видит человеческий глаз, от сетчатки которого сигналы поступают в мозг и там обрабатываются – и в этом немало физиологии. Казалось бы, то же самое происходит и у животных. Но видеть осознанно способен только человек благодаря культуре. У некоторых животных, правда, мы наблюдаем элементы социального поведения.

¹⁰ В трудах Отцов Церкви встречаются различия в описании структуры человека: она может быть как трехчастной (тело-душа-дух), так и двухчастной (тело-душа). Но спора дихо- и трихотомистов история патристической литературы не знает. Для нас бесспорно, что трихотомизм открывает в антропологии, в культурологии более широкие горизонты, но исчерпать антропологическую проблематику он, конечно, не в состоянии.

продуктом деятельности. Более того, личность даже не столько является субъектом деятельности, сколько тем, *в силу чего человек может им выступать. Личность есть иной принцип, не сводимый и не выводимый из деятельности*»¹¹. Не будем забывать, что «человеческое существо устроено по образу и подобию Бога. Как непостижим Он, так и отпечаток Его в человечестве ускользает от четких определений. Момент апофатичности присущ размышлениям о человеке. Апофатическое богословие дополняется апофатической антропологией»¹². А вот и епископ ИПЦ Григорий (Лурье), исследователь свт. Григория Паламы, полагает, что термин «ум» (νοῦς) у отцов Церкви мог означать и образ Божий в человеке, и «частицу Бога», «и это самое “Я”, которое является субъектом спасения или гибели, то есть субъектом свободной воли»¹³.

Итак, еще раз определимся: **тело – материально, дух** (человеческое «Я») – **духовен**, а душа¹⁴... **душа – культурна**. Мы будем и дальше это показывать.

Дух – это то, что в нас бессмертно, что обладает безусловной и конечной свободой, то, что соединяет нас с Богом и что участвует в выборе между Богом и дьяволом. Но дух укоренен в душе и в теле. А они по своему естественному существу в нашем падшем мире – тленны (хотя и воскреснут по данному человеку Богом обетованию в конце мира)¹⁵. Об укорененности духа в сердце, в нашем физическом сердце учит православная аскетика. И неспроста у Достоевского в человеке Бог с дьяволом борется, и место битвы – сердце человека. Но тело человеческое, хотя анатомически и физиологически тонко и премудро устроено, духовно же – грубо, дебело. И только благодаря «духовной работе», «работе духа» – тому самому личному «Я» – оно преображается и становится духу послушно. И работа эта весьма трудна и требует самоотречения.

С душой дело обстоит не так. Она тонка, часто ее представляют даже некоей тонкой материей¹⁶, и она, кажется, тесно зависит от духа. В Писании и Предании находим еще более тонкое описание души: она предстает «по отношению к Богу и точной истине, телом, которое “плоти и кости не имать” (Лк. 24, 39)»¹⁷. Вот мы говорим «присутствие духа» – и понимаем подчиненность всего человека его воле.

¹¹ Д.В. Новиков. Христианское учение о человеке. –

См. <https://azbyka.ru/otchnik/antropologiya-i-asketika/hristianskoe-uchenie-o-cheloveke/>

¹² Предисловие Калиста, епископа Диоклийского к английскому изданию. В кн.: Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 7. – См. <https://azbyka.ru/otchnik/antropologiya-i-asketika/obozhenie-osnovy-i-perspektivy-pravoslavnoj-antropologii/>

¹³ В.М. Лурье. Частица Божества в «кале тинном». – См.

https://credo.press/226097/?fbclid=IwAR0A3zd731yWYX2DAL4VOMLjxwhG0DEI_FVK0rGCii9FX0Gsr0LjTibtTc

¹⁴ То есть психея, психика!

¹⁵ Мы, раз уж уподобили душу психике, утверждаем, что она как витальное и психическое начало, привязана к телу и погибает вместе с ним, чтобы в день воскресения мертвых вместе с ним воскреснуть. А наш дух, который является собственно основой нашей идентичности, – бессмертен. Когда же исповедуется отличный от нашего трехчастного двухчастный состав человека, то то, что мы называем духом, именуется душой, и тогда же и говорят о бессмертии души.

¹⁶ Архимандрит Киприан Керн пишет, что «Св. Макарий (Египетский), как впрочем и многие из древнехристианских писателей, признавали известную материальность души». (Арх. Киприан Керн. Антропология Григория Паламы. – См. https://azbyka.ru/otchnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigorija-palamy/)

¹⁷ «... мы утверждаем о душе нижеследующее. Она дух – подобно ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему, и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости; имея известную степень тонкости, может содержаться и содержится в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам, огню неугасающему, червю неусыпающему, страшной и вечной тьме, может скрежетать зубами от невыносимого адского страдания, может, если будет допущена, переменять места, может быть помещена в раю, может вкушать сладость и покой рая как места сладости и покоя; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и распространяющемуся по всему человеку, сообщаящемуся даже его телу, состоящему в общении с Богом, когда Бог соделает достойную душу по ее назначению Своею обителию; она, наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, т.е. душа имеет и главу, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши, словом, все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела. ... При противоположном мнении, то есть, что душа есть дух, столько же тонкий, как и дух Божий, непременно потребуются следующие заключения: потребуются признать, что душа не может быть содержима и удержана никаким местом, никаким веществом, ни нашим телом, ни раем, ни адом, не может ощущать адских мук, должна быть превыше наслаждений рая. Мы уклоняемся от такового мнения, как бы явной нелепости, от пагубного для спасения нашего богохульства, и последуем с покорностью и убеждением вышеизложенному учению Святой Православной Церкви. Называя и признавая душу, вместе с святыми отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с Отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое «плоти и кости не имать» (Лк. 24, 39), но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху, как

Знаем, что «расслабление духа» ведет к аморфности, беспорядочности и безобразности душевной и телесной жизни человека. Да, это так. Нередко в обыденной жизни мы говорим о психологических проблемах, сталкиваясь с психическими аномалиями, говорим, что «душа больна». (Но душу принимаем за дух и соотносим с психологией.) В православной антропологии душа редко когда бывает полностью послушна духу: тому духу, который от Бога (чаще – тому духу, который от врага рода человеческого). У человека, каким мы его обычно знаем (не у подвижника!), его дух (νοῦς), как правило, плохо руководит душой, человек чаще всего даже не догадывается о том, что в нем есть начало, которое призвано душой руководить, полагая безоговорочно вот душу и своим «Я»¹⁸.

Человек был сотворен в Раю, где не было зла, – тут все было хорошо. Как и Ангелам его взору представало только все доброе. Зло стало появляться «по следам» павшего ангела, который не творил добра, а только злое помышлял. Зловредный дьявол совратил Еву с Адамом, и они были изгнаны на землю, также лишенную благодати вследствие Первородного греха. После грехопадения меняется иерархия духа, души и тела: дух человеческий претерпел духовную смерть и был отделен от Духа Божия, а посему утратил свое главенство над душой и телом. Если до грехопадения душа, следующая духу и «возвышалась» им, оказывалась как бы посредницей между духом и телом, то после грехопадения душа сильнее привязалась к телу, которое, получив «ризы кожаные», стало чувствительным к внешним и неблагоприятным воздействиям, а тело получило главенство в прежней иерархии. Душа же, обратившись от духа к плоти, все время ниспадает к земным похотениям. По Священному Писанию люди стали *плотскими* (1 Кор. 3, 1), а *плотью и кровью* они не могут наследовать Царства Божия (1 Кор. 15, 50). Изменения иерархии души и тела привело к **раздвоению духовного и телесного чувства**, и телесное чувство стало главенствовать. Телесное чувство само не ведает добра и зла, и мир воспринимает через наслаждение и страдание. Земля же для обитания павшего человека, лишенная благодати, стала полниться злом и страданием. У человека изменилась «жизненная психодинамика», и жизнь его превратилась в выживание, а чувства, отвлекая ум от Бога, ввергли его в уныние или крайнее раздражение. Раздражение проявляется в виде ненависти, а желание меньше страдать и больше наслаждаться приводит к неразумной любви, похоти, поскольку душа сама не различает точно добра от зла. В павшем мире человек видит Добро и Зло, как в тумане, принимает одно за другое, предается сомнениям. Но он обладает свободой воли, оставленной ему Всевышним. Осознано или нет, человек совершает свой выбор. По грехопадении прежде всего дух (ум) человека, отвлекшись от Бога, подвергся болезни и впал в мрачное неведение. Ум (дух) тяготеет к неразумным страстям, которые стали управлять помраченной душой. Человек нелегко может подчинить внимание воле сосредоточиться на Добре. У свт. Феофана Затворника можно выделить следующие степени погружения ума (зрения) внутрь себя: 1) полная неразборчивость, 2) постепенное различение одной за другой мысли, 3) безудержная смена, мелькание кусочков мысли, 4) трудно

выражается преподобный Кассиан, и прочим газам». (См. – [Слово о человеке - свяtitель Игнатий \(Брянчанинов\) - читать, скачать \(azbyka.ru\)](#))

¹⁸ После грехопадения «меняется иерархия духа, души и тела. В изначальном состоянии главенствовал дух, который, будучи «наиболее сродным» Богу, и мог соединяться со Святым Духом, «образовывая», формируя жизнь души и тела человека. При этом душа, следующая духу и «возвышаемая духом», оказывалась как бы посредницей между духом и телом. По грехопадении дух человеческий был в результате духовной смерти отделен от Духа Божия и утратил свое главенство. С другой стороны, влечение человека к чувственным (т.е. получаемым, в основном, посредством тела) наслаждениям привело к тому, что в данной иерархии стало главенствовать тело. Душа обратилась от духа к плоти и потому все время ниспадает в земные похотения. Таких людей Священное Писание называет *плотскими* (1 Кор. 3, 1), *плотью и кровью*, которые не могут наследовать Царства Божия (1 Кор. 15, 50). В результате изменения иерархии души и тела произошло **раздвоение духовного и телесного чувства**, телесное чувство стало главенствовать. Следует отметить, что телесному чувству не дано ведение добра и зла: оно воспринимает мир в категориях наслаждения и страдания. Это изменило жизненную «психодинамику»: вся жизнь человека стала подчинена стремлению к наслаждению. Вместе с тем, подчеркивает прп. Максим Исповедник, к любому наслаждению примешивается «тягота страдания». Изменилось соотношение и **трех сил души**. Изначально желательная и раздражительная силы были подвластны мыслительной, которая в свою очередь питалась от духа или ума. По грехопадении они вышли из повиновения, и раздражительная сила стала проявляться в виде неразборчивой ненависти, а желательная – в неразумной любви, т.е. похоти. Отвлекая ум от Бога, они ввергают человека в состояние уныния [Максим Исповедник. Главы о любви.].» (Д.В. Новиков. Христианское учение о человеке. – См. <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/hristianskoe-uchenie-o-cheloveke/>)

сосредоточиться даже на вполне определенной мысли (молитве), 5) мысль и внимание, кажется, вполне подчинены воле, но свобода этой воли строго ограничена пристрастиями (и пристрастия бывают столь сильны, что парализуют любую попытку от них оторваться). В такой вот рассеянности (или пристрастии) и пребывает обычный человек. В противоположность ему святой человек, подвижник, строго контролирует свой ум, мысли – все подчинено свободе и сознанию. Святители отмечают, что когда ум отказывается от движения к Богу, то предает себя чувствам, страстям¹⁹.

Вот и получается, что внешний мир навязывает человеку восприятие такой **картины мира**, которая порой далека от реальной, объективной (а Добро и Зло в падшем мире реальны и объективны). Вкусив с Древа познания Добра и Зла человек разучился просто и непосредственно различать Добро и Зло, и был изгнан в мир, в падший мир, где, чтобы выжить, ему необходимо его познать, и приходится пробираться сквозь дебри своих ложных восприятий окружающего потому, что «мир во зле лежит».

Процесс того, как человек продирается через эти дебри к Свету или, наоборот, дает-таки себя засосать трясине зла, как карабкается в этом падшем мире и определяет собой феномен культуры.

---

¹⁹ Святитель Феофан Затворник предлагает смежить внешние чувства ваши, и обратить око внимания внутрь и посмотреть, что там. «На первый раз вы ничего там не увидите – не потому, чтоб там не было ничего, но потому, что там слишком много всего и все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают в густой туман. Как в сем случае туман, как стеною, отражает от нас все предметы и сокрывает их в себе, так кто в первый раз обращается внутрь себя, тот видит, что, как мрачным покровом, закрыто все его внутреннее. В этом можете удостовериться теперь же. Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного в сем труде, и вы скоро начнете различать мало-помалу происходящее внутри вас подобно тому, как вошедший снаружи в слабоосвещенную комнату, постоявши немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы. Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел – его место заступил другой; этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым, и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим – и это так быстро, что всегда почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы здесь, в храме, или дома, и во время чтения и даже размышления углубленного и прочее. Обычно называют это думанием, в существе же дела это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столько нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первую чертою нашего внутреннего человека. Подобие ему – смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное ему состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее – все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, Его созерцающее. Между сими противоположностями стоят разные степени душ, потеющих в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их. Смотрите еще глубже – и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе, что он наслаждается полною свободою. Узы сего пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как на удочку попавшая рыба плавает еще, но никак не дальше, как позволяет нить, к коей прикреплен удочка; или как птица в клетке летает и ходит, но никак не далее пределов клетки – так пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их. Коснись дело до сих предметов, душа никак не совладеет с собою. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным, таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третью чертою нашего внутреннего состояния – «пристрастность». Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий». (Святитель Феофан Затворник. Внутренняя жизнь – См. <https://predanie.ru/book/85658-vnutrennyaya-zhizn/>).

По мысли преп. Максима Исповедника, «когда ум отказывается от естественного движения к Богу, то предает себя чувствам (поскольку нет другого направления его движению), и они непрестанно вводят его в заблуждение, обманывая поверхностным восприятием чувственных вещей». (Цит. по: Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 70.).

В раю культуры не было, в ней не было нужды. Вся земля была Раем²⁰. Гнев Творца изменил землю²¹. И смерть – это не только конец жизни для человека. Вся природа падшего человека

---

²⁰ По словам свт. Игнатия (Брянчанинова), «ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности, мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение (2 Пет. 3, 10); создана была она для вечности. Боговдохновенный бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своем, не нуждалась в возделывании (Быт. 2, 5): сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастений не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: «Терния и волчцы возрастит тебе земля» (Быт. 3, 18). По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою – самую ясною и благорастворенною. Дождей не было: источник исходил из земли, и напаявал лицо ее (Быт. 2, 5–6). Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями (Быт. 1, 30)». (Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. – См. https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/slovo_o_cheloveke/)

²¹ «Проклята земля в делах твоих» (Быт. 3, 17), – сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвещающим сожжение ее, соделывающим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие – и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясения. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе насильно и содержит в повиновении насильно; с другими он – в вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностью к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелия гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервенением кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилось проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свой, смерть, которую они ощутили и в душе, и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были без сомнения зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения (Быт. 4, 4); наконец, явилась смерть между людьми от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником (Быт. 4, 8). До греха не было в мире смерти. Смерть вошла в мир грехом (Рим. 5, 12), быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром; самое небо свисает, как одежда, и исчезнет (2 Пет. 3, 10; Апок. 6, 14). Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека. (Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. – См. https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/slovo_o_cheloveke/)

Неллас приводит рассуждения свят. Григория Паламы о том, что падение человека имело космические последствия: «Искажение человека не могло не повредить логосы и природы всех существ, исказив все творение. Мир до падения благодаря человеку был относительно целостным. Через человека движение материи естественно устремлялось к своей Цели. И само это движение было, опять же через человека, в известной мере духовно. Падение Адама нарушило известную динамику материи. От того, что ее отношения с человеческим телом, а следовательно, с душою и с Богом стали противоестественны, она оказалась замкнута на себя, стала двигаться слепо и бесцельно. Вещественность – это такое состояние мира, в котором материя определяется исключительно своими собственными свойствами, как не обусловленная движением в сторону духа. То есть, падение включает в себя и падение материи. Заключение человека в вещественность сделало мир, который был “весьма хорош”, миром “подвластным смерти”, и сам человек, одевшись в вещественность, от нее, то есть от своей “кожаной ризы” терпит “жизнь многострадальную и весьма несчастную”. Упомянутый Паламой переход в мир сей не есть перемена места, переселения куда-то – ведь и до падения человек был вне мира, – а изменение отношений с ним». (Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никая, 2011. С. 108-109.)

пронизана смертностью²². Потому культуры нет в Царствии Небесном, она вся – на земле²³. Продолжаем раскрывать понятие культура.

Культура – это выраженное средство продвижения человека в мутном омуте земной жизни к цели, которую человек определяет своей волей, оставшейся и после падения свободной (хотя проявить ее человеку порой трудно, во многом как раз из-за погружения его в культурную среду).

Культура – это и выраженное средство адаптации к некомфортному падшему миру²⁴.

---

²² «Смертность, отсутствие жизни, которое тонко чувствующими людьми ощущалось как отсутствие смысла, то есть жизнь “влажная и разложившаяся”, представляет собой первый акт “кожаных риз”. Это принадлежность неразумной природе. Вовлечение в смертность для человека совпало с облечением в неразумную природу, с приобщением к жизни бессловесного естества и усвоением с той поры ее качеств. ... Законы тварного мира продолжали действовать, но поврежденным, нездоровым образом, вовлекая человека в свой болезненный процесс и тем самым в болезнь и печаль». (Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 56-57.)

²³ Культура возникла после грехопадения, когда «изменился и характер **деятельности** человека. Теперь человек вынужден трудиться в “поте лица” для того, чтобы добывать себе пропитание (Быт. 3, 17-18). Появляются “города, искусства, одежды и множество остальных нужд” [Свт. Иоанн Златоуст. О девстве. Гл. 15.]. В этих новых видах деятельности хотя и проявляются творческие силы и способности человека, тем не менее, они вызваны новыми условиями существования, слабостью и зависимостью человека от окружающего мира. *Жизнь превращается в выживание*. Теперь уже деятельность нужна не только для того, чтобы преобразовывать мир, но и для защиты себя от окружающего мира». (Д.В. Новиков. Христианское учение о человеке.)

Златоуст пишет о том, что до падения не было речи «о городах, искусствах, одеждах и множестве других нужд». «Потому, что тогда это было излишним, а стало необходимым по причине нашей немощи. ... Все это привлекла и принесла смерть вместе с собой. “Кожаные ризы” – это одежда противостояния смерти. Можно понимать их как новую организацию жизни, новый модус бытия, необходимый как спецодежда в неестественно сложных условиях, приспособленный для выживания во всей совокупности нестроений, обрушившихся на нашу землю с грехопадением. Хотя и некоторые занятия и труды Адама в раю упоминаются Златоустом. ... [Как пишет преп. Максим Исповедник], первозданный человек жил безыскусно, без художеств и изобретений, потому что “не было отнято у него естественное благобытие, присущее логосу его природы”, и не было ни в чем недостатка, чтобы восполнять его человеческими средствами. “Ему не нужен был покров” благодаря бесстрастию и, следовательно, совершенному неведению стыда; перепадам же холода и жары, благодаря которым нам стали необходимы дома и одеяния он не подвергался. Кроме того, продолжает преподобный, обычно человеческая жизнь вращается либо вокруг обманчивых впечатлений внешнего мира, производимых неразумием страстей ради чувственных удовольствий, либо вокруг искусств и ремесел, нужных для удовлетворения естественных потребностей, либо вокруг естественных законов сотворенного мира для научения. Однако ничто из перечисленного до падения не касалось человека, стоявшего выше этого уровня бытия. Будучи бесстрастным по благодати, он не был подвержен обманчивым фантазиям, производимым страстями. Обладая благобытием – не нуждался во внешних искусствах для устроения жизни. И имея мудрость, был выше такого познания тварей, которое требует внешнее обучение. Ничего не стояло между ним и Богом, что требовало бы постижения, препятствуя свободному в любви устремлению к нему, приводящему ко все большему Богоподобию. Впоследствии же он справедливо подвергся воздействию окружающего мира, “когда лишился всего, по своей воле променяв полноту бытия на скудость и поклонившись тому, выше чего стоял по естеству”. Итак, обычную для нашей жизни деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, приобретение и усовершенствование профессиональных качеств и прочего, Отцы Церкви однозначно относят к тому, что вошло в человеческую жизнь после падения, то есть считают принадлежностью “кожаных риз”. Перечисленные и все произведенные от них человеческие занятия – следствие дисгармонии, внесенной грехом во всеобщий порядок вселенной. В частности, обучение и труд являются как бы огрублением первозданных способностей мудрости и господства над миром, присущих человеческой природе по образу Божию. Так выглядят эти способности в вещественной одежде. Их назначение осталось прежним: вести человека, и с ним мир, к Богу. Но грех затянул их в тленный поток биологической жизни – они огрубели и стали частью “кожаных риз”. ... [С другой стороны, эти способности] – повеление Божественного человеколюбия и премудрости, давшие человеку возможность выжить [адаптироваться! – С.Л.] в условиях, созданных падением». (Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 109-114.)

Бог не попустил окончательного повреждения и бесследного уничтожения того, что в человеке «по образу». Остановив начавшийся распад, он преобразил богоподобные свойства в свойства «кожаных риз» – и именно ими устроил его выживание.

²⁴ По грехопадении, «хотя и проявляются творческие силы и способности человека, тем не менее, они вызваны новыми условиями существования, слабостью и зависимостью человека от окружающего мира. *Жизнь превращается в выживание*. Теперь уже деятельность нужна не только для того, чтобы преобразовывать мир, но и для защиты себя от окружающего мира». (Д.В. Новиков. Христианское учение о человеке. См. – <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/hristianskoe-uchenie-o-cheloveke/2>)

Греческий богослов Панайотис Неллас пишет, что основной смысл, хотя и не единственный, библейского рассказа об облачении первых людей в «кожаные ризы» – это указание на смертность человека в падшем мире, «превращение жизни в выживание». (Панайотис Неллас. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии. М.: Никея, 2011. С. 73.)

Эти последние два свойства культуры неразрывны, но первое более относится к сфере **идеалов и ценностей** (которые в чистом и определенном виде в жизни человека выражаются редко, а подлежат сложным интерпретациям именно в силу неясности земного ума человека), а второе к **механизмам адаптации и деятельности** (которые, в свою очередь, определяются и идеальными мотивами, поскольку даже в детерминированном культурой мире человек вносит в действительность свой смысл).

О культуре как о системе адаптации и деятельности рассуждали и культурологи-эволюционисты, полагая адаптацию также атрибутом эволюции. Мы так не считаем, но с ними есть у нас одно пересечение. Культура действительно помогает человеку приспособиться к некомфортному, отчужденному от него миру. Поскольку падший «мир во зле лежит», человеку непрестанно приходится к нему адаптироваться. И человек придумал и приспособил для этого немало механизмов-инструментов, как материальных, так и идеальных.

Культура – сфера идеалов и механизмов, технологий адаптации и функционирования, а также, что не менее важно, инструментов психологической адаптации человека к внешнему миру и... к смерти.

Миру, что «во зле лежит», со всеми его бурями, наводнениям и землетрясениями, к миру людей с их ссорами, враждой и ненавистью, к войнам, и главное – к смерти. Ибо она для человека всегда нечто внешнее, поскольку выгнан был человек из Рая, где смерти не было²⁵, и создан был Творцом человек как бессмертное существо²⁶. Но Адам и Ева, став смертными, не могли родить бессмертных детей. Поэтому и дети их подвержены смерти, и эта смертность, унаследованная от Адама, стала источником наших личных грехов. Смертной же природе требуются и пища, и питье, и одеяние, и жилище, и разные искусства (то есть культура!), и потребность же всего этого раздражает страсти до неумеренности, а неумеренность порождает грех. Оказывается, что **и смерть есть благо, ибо смертью человека прерывается окончательно зло, порождаемое им**²⁷. Потому и верующий человек, уверенный в своей бессмертии, порой со страхом думает о смертном часе своем. Его страшит предстоящее неведомый ему переход в вечность²⁸. И человеком выработаны инструменты психологической адаптации к факту физиологической смерти, но их все равно недостаточно.

Культура – это мощная идеальная (и материальная) институция, надстроенная над феноменом человеческого умирания и смерти, для психологической адаптации человека к ней там, где ему такти не достаточно акта смирения перед Богом.

Внешним выступает по отношению к человеку весь духовный мир, если человек по доброй воле не принимает в себя Духа, Духа Света или духа тьмы. Бог для огромного большинства людей вовне, Он для многих и не особенно важен. Внутренним Бог становится только для познавших и принявших

---

²⁵ «Бог создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего...» (Книга Премудрости Соломона. 2: 23).

²⁶ «Во вся человеки вниде смерть». (Рим. 5: 12).

По словам Феодорита Киррского, смерть есть космическая реальность, под власть которой подпала человеческая природа в результате грехопадения. Посему божественный Апостол говорит, что, когда Адам согрешил и по причине греха соделался смертным, то и другое простерлось на весь род. (Прот. Иоанн Мейендорф. Антропология и первородный грех. – См. [Антропология и первородный грех - протоиерей Иоанн Мейендорф - читать, скачать \(azbyka.ru\)](http://azbyka.ru))

По выражению свт. Филарета, «как от зараженного источника течет зараженный поток, так от родоначальника, зараженного грехом и потому смертного, естественно происходит зараженное грехом и потому смертное потомство». (Свт. Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви – См. [Пространный христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви - святитель Филарет Московский \(Дроздов\) - читать, скачать \(azbyka.ru\)](http://azbyka.ru))

²⁷ «Впрочем и здесь [в наказании за грех, человек] приобретает нечто, именно смерть – в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом самое наказание делается человеколюбием. Ибо так, в чем я уверен, наказывает Бог». (Свт. Филарет (Дроздов). Толкование на книгу Бытия. См. – https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/tolkovanie-na-knigu-bytija/)

²⁸ Читаем в житии блаж. Матроны Московской, что она «по своему смирению, как и обыкновенные смертные люди боялась смерти и не скрывала это от близких. Перед смертью пришел ее исповедовать священник, о. Дмитрий, она очень волновалась, правильно ли сложила руки. Батюшка спрашивает: “Да неужели и Вы боитесь смерти?” – “Боюсь”». (Правиков А., Правикова Е. Имена написанные на небесах. М.: Издательство Прихода храм свв. бессребрянников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке, 2007.)

Его в себя²⁹. Если человек не идет путем приятия Бога в себя, он к нему просто психологически адаптируется, понимая под ним «Исполнителя желаний» «Палочку-выручалочку», «Громовержца» или «Громоотвержца», или же просто научается жить так, будто Бога нет. Все это по сути – уже культура и психология.

Также все в отношениях между людьми (кроме бескорыстной любви³⁰, которая духовна, ибо Богоподобна, или звериной ненависти, ибо она внушена дьяволом) строится на культурообусловленной психологической основе, часто это просто ролевые игры с культуроопределенными ролями. Согласно православной аскетике, жизнь человека определяется его помыслами, которые он либо принимает, либо нет. Помыслы могут быть человеческого происхождения (таких большинство, и это чаще всего чистая психология), Божественного и бесовского. Но они все облечены в культурообусловленную форму, иначе они воспринимаются только как безотчетные стремления, навязчивые состояния, которые, кстати, тоже могут соотноситься с культурой, или мыслительный шум³¹.

Человек всегда воспринимает помыслы в большей или меньшей мере от сил Добра или же зла. Но, чтобы понять голос Бога и его ангелов, необходимо определенное духовное напряжение для просветления замутненности человеческого восприятия. Бес, дух лжи, старается человека обмануть, обольстить, отвлечь от Бога, Добра. И человеку легче обмануться, выстраивая себе более комфортные, иллюзорные картины. В итоге он интериоризирует весьма своевольно воспринятую картину Добра и зла, что означает интерпретацию, культурную схему с определенной структурой ценностей. И в соответствии с этой схемой человек действует. И в нашем падшем мире человек вынужден подстраиваться под него, естественно, согласуясь со своими представлениями о Добре и Зле. Человек же плохо различает одно от другого по причине своего нежелания, а чаще, просто неумения выходить за пределы обыденности, чтобы познать истинное Добро.

«Схема мира», которая создается разумом человека и включающая представления о том, как в мире этом действовать, чтобы достигнуть понимаемого им добра, и есть культурная картина мира, квинтэссенция культуры.

Как правило, каждый человек внутри себя оправдывает и разъясняет свои цели как благие. Но падший мир в тумане и неясен для верного его понимания, к тому же он полон катастроф, конфликтов, войн, горя и бед, да и просто житейских неурядиц, путаниц, скверных неожиданностей. Чтобы, восприняв мир как он есть, начать в нем совершенно адекватно действовать, надо встать вне культуры, вне человеческого контекста, где, помимо Добра, немало и Зла. Человек же, живя в падшем мире, в культуре своей рационализирует мир так, чтобы в нем действовать понятным себе образом, устанавливая необходимые связи между вещами и явлениями. Но, как правило, мы строим о мире иллюзии, которые дают нам возможность в нем более или менее комфортно пребывать. Это надо признать без особого осуждения, так человек психологически приспособливается к падшему миру. Если восприятие Добра как Добра и Зла как Зла и остается в возможностях человека, поскольку он существо не только телесное и душевное, но и духовное, то пребывание его в падшем мире – для

---

²⁹ Это опять же акт воли и большого усердия по восхождению к Богу. Согласно православному учению об обожении, это акт превращения, в бога по Благодати. Для остальных Бог, в большей или меньшей степени, внешний.

³⁰ Бескорыстная любовь «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (Апостол Павел. **Первое послание к Коринфянам. Глава 13, ст. 4–13**).

³¹ В книге «Душа после смерти» известный американский подвижник и духовный писатель второй половины XX века иеромонах Серафим Роуз исследует опыт умирающих по рассказам побывавших в «мире ином» в состоянии клинической смерти. Оказывается, человек западной цивилизации видит свет в конце туннеля, своих умерших родственников, а Бога описывают как «забавную личность с чувством юмора», Он «развлекает» и «забавляет» умирающего». Многие же умирающие индусы, к примеру, видят богов своего индуистского пантеона – Кришну, Шиву, Кали и т.д., – а не близких родственников и друзей, испытали страх, угнетение и беспокойство в результате появления «ямдутов» («вестников смерти», *хинди*). Роуз считает, что переживания души, когда она отделена от тела – будь то переживания мира и приятности, тревоги, страха, света или «экстрасенсорного восприятия» – являются всего лишь следствием ее повышенной восприимчивости. Тут мало положительной информации о состоянии души после смерти и слишком много произвольных толкований иного мира, а то и прямого общения с падшими духами. (Серафим (Роуз) иером. Душа после смерти. Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной Церкви. – СПб.: Царское дело, 1995).

каждого человека, поскольку он существо не только духовное, но и душевное, и телесное – сопряжено с неизбежным дискомфортом.

Каждый человек чувствует опасность, если не осознает вполне, исходящую извне. Мир, который «во зле лежит», пробуждает в нем ощущение тревоги. Чтобы действовать в этом мире, человек должен, прежде всего, определить, пусть даже и ошибочно, конкретные источники внешней опасности. Скажем, лес опасен не вообще как бесформенный зеленый массив беспорядочно растущих деревьев, кустов и травы, а потому что в нем живут хищные звери, ядовитые насекомые, потому что в нем можно заблудиться. Если предусмотреть и предпринять меры предосторожности, то по лесу можно ходить и, к примеру, собирать грибы³². Сказанное относится и к миру в целом. Тут источник опасности определить труднее, и человек вынужден интерпретировать мир в меру своего понимания и, как правило, в пределах своей культуры.

Кроме того, мир большой, а человек маленький. Чтобы приступить к любому действию, человек должен иметь, как минимум, хотя бы смутное представление:

- ✓ при каких обстоятельствах это действие осуществимо,
- ✓ кто он такой, что может его совершить,
- ✓ какими качествами он должен для этого обладать (скорее даже, какие качества себе приписывать),
- ✓ в каких отношениях он должен находиться с другими людьми (нуждается ли он в их помощи, или он способен помочь себе сам),
- ✓ могут ли оказать ему помощь другие,
- ✓ каким образом возможно совместное действие и какими качествами должен обладать коллектив (состоящий, как правило, тоже не из всесильных индивидов), чтобы решиться на действие?

Ответы человека на эти и многие другие вопросы образуют ту призму, через которую человек видит мир, в котором должен действовать. Так формируются основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире. Так и выстраивается в его сознании вся структура бытия. А защитная функция культуры состоит в том, что человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотношены с самим человеком, и **каждое человеческое действие согласовано с общей структурой культурной картины мира**. У каждого народа она своя, и у каждого народа в ней безусловно встраиваются по-своему искажения реальности.

Приспосабливаясь к миру, своеобразно встраиваясь в него с культурой своей, человек совершает **«адаптивно-адаптационную деятельность»**, которую некоторые культурологи и признают сутью культуры. Тогда мы понимаем, что:

культура – это определенная человеческая самоорганизация, универсальная технология человеческой деятельности, которая имеет, прежде всего, «исходную адаптивную ориентацию»³³.

Сам механизм формирования культур – культурогенез – состоит «в адаптации человеческих коллективов к совокупности природных и исторических условий своего существования, к результатам собственной социальной самоорганизации и развитию технологий деятельности»³⁴. Человек наполняет мир «орудиями деятельности, адаптации»³⁵, которые не только материальны, но формируются и в идеальной, и психологической форме.

Искажение реальности человеком, диктуется ему его потребностью в более или менее комфортном существовании. Человек вот так и «подправляет» реальность, а на психологическом уровне непрестанно и неизбежно интерпретирует свое в ней пребывание, создавая идеальные культурные артефакты.

---

³² Для этого нужно знать, как минимум: 1) что в лесу является источником опасности, 2) чего нельзя делать, чтобы не вызвать эту опасность на себя, 3) что надо сделать, чтобы ее преодолеть.

³³ Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив Университетская книга Москва, 2014. С. 484.

³⁴ Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995. С. 72-73.

³⁵ Markarian E. Capacity for World Strategic Management. Yerevan: Gitutgun, 1998. С. 84.

Согласованное искажение реальности благодаря коллективной психологии формирует этническую культуру, которая всегда оказывается «сконструированной», интенциональной³⁶.

***

Можем подвести предварительный итог.

Мы определили культуру как человеческую самоорганизацию, универсальную технологию человеческой деятельности, которая имеет, прежде всего, «исходную адаптивную ориентацию». Необходимость такой адаптации диктуется тем, что мир после «грехопадения Адама» «во зле лежит».

Культура образует тот ряд образов и мыслей, с помощью которого человек говорит сам с собой и с Богом или, наоборот, общается с силами зла.

Культура обеспечивает существование и жизнедеятельность в «падшем мире», процесс «продирания человека через дебри к Свету» или, наоборот, погружения в трясины зла.

Культурой вырабатываются средства продвижения человека к цели, которую он определяет своей свободной волей. В культуре выстраиваются мощные идеальные (и материальные) институции (традиции) для жизнедеятельности, человеческого умирания и смерти, призванные психологически адаптировать человека к ней (и там, где ему так не достаточно акта смирения перед Богом).

Благодаря культуре возможна и вся «схема мира» – культурная картина мира, – которая создается разумом человека, и включающая представления о том, как в мире этом действовать, чтобы достигнуть понимаемого человеком добра (или зла).

Наконец, **согласованное искажение реальности благодаря коллективной психологии формирует этническую культуру**, которая всегда оказывается «сконструированной», интенциональной.

---

³⁶ Один из ведущих представителей культурной психологии Ричард Шведер говорит об интенциональном мире, населенном интенциональными личностями, которые взаимно конструируют друг друга. (См. – Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.)